

А. П. Крюков

Рассказ моей бабушки

Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. Ю. Троицкий. -- М.: Современник, 1986.

OCR Бычков М. Н.

I

Бабушка моя (скончавшаяся лет пять тому назад, на восемьдесят первом году своей жизни) провела всю свою молодость в пограничных местечках Оренбургской линии, где отец и супруг ее были офицерами в гарнизонах. Эти местечки и теперь могут служить живыми образцами бедных городов древней Руси, а лет за шестьдесят или более они лепились по крутизнам Уральского берега, как гнезда ласточек по кровле крестьянского дома, будучи подобно им выстроены из обломков и грязи. Можно представить себе, какие блестящие общества заключались в таких великолепных жилищах и как далеко простиралось в них знание светских приличий, этот мишурный блеск, которым ныне гордятся не только столицы, но и бедные уездные городки. Впрочем, хотя бабушка моя во время своей молодости вовсе не читала романов (потому, что не умела читать) и в глаза не видала тогдашних придворных любезников, но простое сердце ее не было черство, а простой ум умел различать белое от черного, доброе от худого. Мать-природа, щедро наделившая мою бабушку нравственными красотоми, не забыла позаботиться и о телесных ее качествах, так что, по свидетельству моего дедушки, она, в свое время, была румяна, как ночью пущенная бомба, бела, как солдатская перевязь, стройна, как флигельман, сладкогласна, как походная флейта, весела, как бивачный огонь, и что всего лучше -- верна, как палаш, который носил он с честью с лишком тридцать пять лет. Нрав моей бабушки, как мне удалось слышать от людей посторонних, был чувствителен, но не слишком робок. Может быть, подобно нынешним романическим красавицам, она падала бы в обморок даже от появления какой-нибудь мышки, если б всегдашняя жизнь между воинственными народами и кровавые сцены, весьма нередко свершавшиеся перед нею, не придали характеру ее довольно твердости не только для перенесения маловажных неприятностей, но и для самой борьбы с существенными бедствиями жизни. Хотя нельзя сказать, чтобы она, как спартанка, была слишком скупа на теплую воду, называемую слезами, но малодушные слезы не были для нее единственным орудием противу обид людей или рока. Проливая их, она не забывала и других, более действительных средств защиты, так что при вражеских нападениях она, как женщина, рыдала, как женщина с духом -- дралась.

Такова была бабушка моя в молодости. Впоследствии, живучи в больших городах и видя свет во всех его изменениях, она образовала природный ум свой беседами людей просвещенных; узнала и светских льстецов, и светских любезников, и даже выучилась читать и писать, но в обращении и в речах ее остались еще оттенки простоты старого века и то любезное прямотушие, которого уже почти не видим мы между нынешними стариками.

Читатель простит меня за сии подробности о моей бабушке, если узнает, что в детстве я был ее любимцем: при ней рос, при ней учился, при ней начинал чувствовать склонность ко всему прекрасному, уважение ко всему высокому и святому. Хотя в это время она, разумеется, уже нисколько не походила на лестный портрет, начертанный мною, по рассказам моего дедушки: была стара, седа, почти слепа и сутуловата, но в голосе ее сохранились еще звуки, доходящие до глубины сердца, а на лице из-за глубоких морщин проглядывали черты добродушия и любезности, не истребленных в душе ее ни горестями, ни годами. С заботливостию матери старалась она ободрять склонность мою к наукам и в простоте своей думала, что чтение книг -- каких бы то ни было -- более всего служит к просвещению юного разума и к образованию юного сердца. Как *молодое* дитя, я любил читать романы и сказки; как дитя *старое*, она (вот доказательство ее чувствительности) любила их слушать. Вымышленные бедствия некоторых романтических героев сильно трогали ее сердце. Она их помнила и с милым простосердечием сетовала иногда об них, как о бедствиях мира существенного.

Однажды я читал ей какую-то повесть, в которой своенравное перо автора изобразило бедствия